

ПЕСНЯ ХОББИТОВ ИЗ «ВЛАСТЕЛИНА КОЛЕЦ»
Дж. Р. Р. ТОЛКИНА
 (“FAREWELL WE CALL TO HEARTH AND HOME...”):
НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ КУЛЬТУР И ТРАДИЦИЙ

В. А. АФАНАСЬЕВ

Аннотация: Стихотворения Толкина, в особенности встречающиеся в его прозаических произведениях, нечасто подвергаются подробному анализу, в котором учитывались бы не только индивидуальные поэтические особенности того или иного текста, но также его взаимосвязь с другими стихотворениями автора и художественным миром соответствующего прозаического произведения. Между тем именно в таких текстах, как роман «Властелин Колец», поэзия (в основном в форме песен) играет особенную роль, выполняя ряд важных контекстных функций и зачастую становясь яркой иллюстрацией взаимовлияния культур и поэтических традиций вымышленных народов. Одним из знаковых произведений такого рода можно назвать песню “Farewell we call to hearth and home”, внутренними авторами которой являются хоббиты Мерри и Пиппин. Эта песня во многом основана на песне гномов из «Хоббита» (“Far over the misty mountains cold”) и заимствует из своего «первоисточника» поэтическую форму (в несколько усложненном виде), жанровую направленность (походная песня), приподнятое настроение, а также ряд других образов и мотивов. При этом сочинители прибегают и к собственной поэтической традиции, привнося в текст песни значимые в культуре хоббитов образы («дом», «очаг», «кровать») и даже напрямую цитируя народные хоббитские песни и сочинения Бильбо, также встречающиеся на страницах романа. Такое сочетание «своего» и «чужого» не только показатель в отношении диалога культур, искусно симитированного Толкином, но и имеет безусловную значимость в контексте самого романа. Песня призвана воодушевить Фродо, готовящегося к походу в Ривенделл, а также установить преемственность между его миссией и приключением Бильбо из «Хоббита». При этом произведение обнажает и различия между двумя этими путешествиями (куда большую неопределенность и опасность в случае с Фродо) и предвосхищает дальнейшие события романа, становясь отчасти пророческим.

Ключевые слова: художественный мир, поэтика, диалог культур, традиция, стих и проза, Дж. Р. Р. Толкин, «Властелин Колец».

Творческое наследие Дж. Р. Р. Толкина исключительно обширно и разнообразно. Большая его часть, наиболее притягательная для читателей и исследователей, посвящена вымышленному миру Арде, населенному множеством народов. Хотя не все из них в равной степени продуманы Толкином и в своих произведениях он куда подробнее описал эльфов, нуменорцев и хоббитов, чем, например, гномов, энтов или орков, изображенный Толкином мир кажется правдоподобным, поддерживая у читателя «иллюзию исторической истинности и перспективы»¹. Во многом это обусловлено вниманием Толкина к культуре придуманных им народов, причем не только к отличительным чертам и традициям отдельных народов, но к взаимодействию и взаимовлиянию культур, что особенно ярко отражается в языке(-ах)² и, в частности, в поэзии. Именно поэтические произведения (общим числом 78, не считая различных версий одного и того же произведения) во «Властелине Колец» — центральном романе Толкина — нередко оказываются на пересечении нескольких вымышленных культур и литературных традиций, становясь яркими образцами их диалога внутри романа, а также сильнейшим средством характеристики персонажей-носителей этих культур. Не случайно сам Толкин в одном из писем к своему сыну Майклу отмечал следующее: «“Поэзия” моя удостоилась немногих похвал — даже кое-кто из поклонников частенько отзывается о ней не иначе как с презрением (я имею в виду рецензии самозванных литераторов). Наверное, главным образом потому, что в современной атмосфере, — где “поэзии” полагается лишь служить зеркалом для личных терзаний души и разума, а все внешнее ценится лишь в меру твоих собственных “реакций”, — никто, похоже, так и не понял, что стихи из “В. К.” все исполнены драматизма: они ведь не отражают “самокопаний” бедного старика-профессора, а соответствуют по стилю и содержанию персонажам романа, которые поют их или декламируют, а также и ситуациям»³.

Вопреки этому высказыванию, поэзия Толкина в дальнейшем получила признание критиков и привлекла внимание исследователей. Множество ценных наблюдений по поэтике ряда стихотворений из «Властелина Колец» оставил Т. Шиппи в своих двух монографиях о Толкине⁴, стиховое и жанровое разнообразие поэзии из романа было рассмотрено Дж. Рассомом⁵, а анализ ее соотношения с прозаическим повествованием и прозой как таковой представлен

¹ Shippey T. A. *The Road to Middle-earth*. L., 1992. P. 70.

² Особенно это заметно на уровне сложной и обширной системы имен собственных, носители которых нередко получают множественную номинацию на разных языках (и, соответственно, с точки зрения разных народов), в особенности на общем (вестроне) и созданных Толкином эльфийских языках (квенья, синдарин). Так, эльфийское название реки Барандуин (*Baranduin*, букв. «золотисто-бурая река») переосмысливается хоббитами по созвучию, становясь комически-сниженным Брендивайн (*Brandywine*).

³ Tolkien J. R. R. *The Letters* / Ed. H. Carpenter. L., 1995. P. 306 (русский перевод цитируется по изданию: Толкин Дж. Р. Р. *Письма* / пер. С. Б. Лихачевой. М., 2019).

⁴ Shippey T. A. *The Road...; Idem. J. R. R. Tolkien: Author of the Century*. L., 2001.

⁵ См.: Russom G. *Tolkien's Versecraft in The Hobbit and The Lord of the Rings* // J. R. R. Tolkien and His Literary Resonances: Views of Middle-earth / Eds. G. Clark, D. Timmons. Westport, 2000. P. 53–69.

в исследованиях А. Тёрнера⁶, Т. Куллмана⁷, Д. Бартоњковой⁸. Тем не менее далеко не все стихотворные произведения из «Властелина Колец» были изучены полноценно и разносторонне, а объемной специальной работы, посвященной их поэтике в контексте романа как сложного прозиметрического единства, до сих пор не появилось. Настоящее исследование призвано восполнить один из таких пробелов и наметить пути дальнейших научных поисков.

Возвращаясь к мысли о диалоге традиций и культур внутри художественного мира романа Толкина и поэзии как одному из наиболее выразительных средств и результатов этого диалога, стоит отметить, что наиболее открытой к нему становится культура хоббитов⁹. Изображенные Толкином как низкорослый домовитый народ с простыми, приземленными ценностями (“And laugh they did, and eat, and drink, often and heartily, being fond of simple jests at all times, and of six meals a day”¹⁰), ширские хоббиты обычно демонстрируют недоверие к чужакам и редко интересуются тем, что происходит за пределами их ограниченного мира. Однако, будучи выведенными за пределы этого мира и соприкоснувшись с чужой культурой¹¹, хоббиты выказывают неожиданную восприимчивость к ней. Так, энт Древобород (Treebeard), встретив хоббитов Мерри и Пиппина в лесу Фангорн, не может понять, что это за существа, и пытается определить их, приводя несколько строк из Длинного списка энтов (Long List of the Ents) — аллитерированной гномической поэмы, в которой перечислены все известные энтам существа:

Learn now the lore of Living Creatures!
First name the four, the free peoples:
Eldest of all, the elf-children;

⁶ Turner A. *Translating Tolkien. Philological Elements in The Lord of the Rings*. Frankfurt am Main, 2005.

⁷ Kullman T. *Poetic Insertions in Tolkien’s The Lord of the Rings // Connotations*. 2013/2014. Vol. 23. № 2. P. 283–309.

⁸ Bartoňková D. *Prosimetrum, The Mixed Style, in Tolkien’s Work The Lord of the Rings // Sborník prací Filozofické fakulty brněnské university*. 2008. Vol. 57 (13). P. 5–21.

⁹ Диалогичность хоббитов простирается и за пределы художественного мира романа. Как убедительно показал Т. Шиппи, хоббиты (более «современные» по сравнению с другими народами Средиземья) нередко выступают в роли посредников между читателем и незнакомым миром Арды (Shippey T. A. *The Road...* P. 196–197).

¹⁰ Tolkien J. R. R. *The Lord of The Rings*. In 7 volumes. L., 2012. Vol. 1. P. 2. «А смеяться они любили, а еще — есть и пить, часто и от души, испокон веков ценя простую шутку и столуясь по шесть раз на дню» (здесь и далее кроме оговоренных случаев перевод мой. — В. А.).

¹¹ Такой вывод хоббитов за пределы «зоны комфорта» и столкновение их с принципиально другими культурами — комплексная творческая задача, которую Толкин воплотил уже в «Хоббите» и развил во «Властелине Колец». Признаваясь в своей любви к быту хоббитов со всеми его простыми радостями, Профессор все же отчасти соглашался с точкой зрения К. С. Льюиса насчет того, что «хоббиты забавны только в нехоббитских ситуациях» (“hobbits are only amusing when in unhobbitlike situations” — Tolkien J. R. R. *The Letters...* P. 38). В другом письме он описывает Сэма как наиболее типичного хоббита со всеми его недостатками («деревенским самодовольством») и предлагает представить, каким бы он был без тяги ко всему чудесному и возвышенному, привитой Бильбо: «Вообразите себе Сэма, но без наставлений Бильбо, без его увлеченности всем эльфийским!» (“Imagine Sam without his education by Bilbo and his fascination with things Elvish!” — Ibid. P. 246).

Dwarf the delver, dark are his houses;
Ent the earthborn, old as mountains;
Man the mortal, master of horses...¹²

Хоббитам, однако, в этом списке места не находится, и Пиппин с ходу предлагает новую строку “Half-grown hobbits, the hole-dwellers” («малорослые хоббиты, хозяева норные»). Она оказывается правильной как с точки зрения поэтической формы так и в отношении жанра (перечня-тулы), поскольку отражает отличительные черты хоббитов: их низкорослость и основное место обитания (норы). Позднее Древобород включает хоббитов в Длинный список, хотя использует другие слова (“...and hungry as hunters, the Hobbit children, // the laughing-folk, the little people”¹³), вероятно, навеянные личными впечатлениями от общения с Мерри и Пиппином.

Не менее характерным примером становится обращение к эльфийской культуре в стихах, атрибутированных внутри романа Бильбо, в особенности в масштабной и сложной песне об Эарендиле, за сочинением которой Фродо встречает своего дядю в Ривенделле¹⁴. Частичный анализ этой песни уже был предпринят нами в отдельном исследовании¹⁵; здесь лишь стоит заметить, что в романе песнь заслуживает похвалу слушающих ее эльфов — сам Бильбо признаётся, что они редко просят его повторить исполнение¹⁶, что говорит не только о таланте Бильбо (и Толкина: эту песнь по праву можно считать одной из вершин его поэзии), но и об успехе его диалога с эльфийской традицией в рамках одного из важнейших сюжетов Легендариума (авторской мифологии Толкина) о плавании Эарендила — во всяком случае, в той мере, в какой это возможно для смертного. Полного взаимопроникновения и взаимопонимания культур здесь никогда не происходит, и другие народы, в первую очередь именно эльфийские, остаются не до конца понятны хоббитам, как и читателям¹⁷, что, безусловно,

¹² Tolkien J. R. R. The Lord... Vol. 3. P. 72.

Список услышь существ живущих!
Сначала четыре свободных народа:
Пришедшее первым племя эльфов,
Род гномов — господ горных чертогов,
Долорожденные древние энты,
Седлатели лошади, люди смертные.

¹³ Ibid. Vol. 3. P. 233. «...И до хлеба охочее хоббитов племя, // развеселый народ роста малого».

¹⁴ См.: Ibid. Vol. 2. P. 17.

¹⁵ См.: Афанасьев В. А. «Песнь об Эарендиле» в романе Дж. Р. Р. Толкина «Властелин Колец» в аспекте переводческой проблематики // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. Т. 21. № 3. С. 132–146.

¹⁶ См.: Tolkien J. R. R. The Lord... Vol. 2. P. 24.

¹⁷ Со стороны эльфов это иногда доходит до несколько высокомерно-пренебрежительного отношения. Ср. следующие слова эльфа Гилдора, обращенные к Фродо: “The Elves have their own labours and their own sorrows, and they are little concerned with the ways of hobbits, or of any other creatures upon earth” (У эльфов свои заботы и печали, и им мало дела до хоббитов, как и до всех прочих земных созданий) (Ibid. Vol. 1. P. 112).

входило в замысел Толкина, изобразившего также по-настоящему герметичные культуры, неохотно вступающие в подобный диалог.

Одной из таких предстает культура гномов, не столь детально продуманная Толкином, как эльфийская. Изнутри художественного мира его произведений это объясняется замкнутостью и частичной изолированностью их общества. Такая герметичность задается уже на уровне языка гномов, который позиционируется как тайный и почти что сакральный. Так, в Приложении F к «Властелину Колец» приводится следующее замечание: «И все же втайне (и тайну эту они, в отличие от эльфов, не открывали по своей воле никому, даже друзьям) гномы использовали свой собственный, весьма необычный язык, что мало менялся с годами, ибо сделался он для них языком старинных преданий, а не той речью, которой учат с колыбели, и они берегли и охраняли его, подобно сокровищу былых времен»¹⁸.

При этом, однако, гномы все же вынуждены общаться с представителями других народов, прибегая к Общему наречию (вестрону) и, можно сказать, формируя адаптированную версию собственной культуры, которой уже вправе делиться с другими народами, как это делает, например, Гимли, исполняя песнь о Дурине в Мории¹⁹ перед остальными членами Братства. Таким образом, даже относительно закрытая культура в мире Толкина наделена предпосылками к диалогу (и в этом смысле, как и любая невымышленная культура, подтверждает тезис Бахтина о том, что «чужая культура только в глазах другой культуры раскрывает себя полнее и глубже»²⁰), а отдельные ее образцы могут находить частичное продолжение в творчестве представителей других народов, выстраиваясь в интертекст. О ярком примере подобного диалога — сочиненной хоббитами песне «Farewell we call to hearth and hall...» (в нашем переводе: «Прощай, отцов очаг и кров...»), основанной на песне гномов из «Хоббита», — и пойдет речь в настоящем исследовании.

Песня встречается в пятой главе первой книги романа и исполняется Мерри и Пиппином, заранее сочинившим ее на случай²¹. Ее исполнению предшествует разговор Фродо с Мерри, Пиппином, Сэмом и Фредегаром, в котором он открывает своим друзьям истинную цель своего переезда из Бэг Энда (Bag End) в Крикхоллоу (Crickhollow) и миссию, возложенную на него Гэндальфом, — тайно доставить Кольцо в Ривенделл. Оказывается, впрочем, что друзьям прекрасно обо всем известно, хотя они не подавали виду, составив некоторый «сговор» (глава называется «A Conspiracy Unmasked», «Разоблаченный сговор») — только не против Фродо, а в его пользу. Заговорщики обязались всячески помогать Фродо, не показывая до поры до времени своей осведомленности. Песня, таким образом, становится частью «сговора», его своеобразным поэтическим итогом, призванным окончательно «сорвать маски» и, что важнее, воодушевить Фродо перед дальней дорогой и показать стремление сочинителей и поющих разделить с ним все тяготы пути.

¹⁸ Tolkien J. R. R. The Lord... Vol. 7. P. 140.

¹⁹ См.: Ibid. Vol. 2. P. 133–134.

²⁰ Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / сост. С. Г. Бочарова. М., 1986. С. 354.

²¹ См.: Tolkien J. R. R. The Lord... Vol. 1. P. 139.

Исключительно важным оказывается краткое замечание повествователя, идущее в тексте непосредственно перед песней и прямо указывающее на ее истоки: “It [a song] was made on the model of the dwarf-song that started Bilbo on his adventure long ago, and went to the same tune”²². Имеется в виду песня из «Хоббита» (“Far over the misty mountains cold...”), которую гномы исполняют в самой первой главе повести в норе Бильбо. Для этого они составляют небольшой оркестр с разнообразными инструментами, а исполнение происходит в полумраке, что для самих гномов служит способом воссоздания обстоятельств, в которых, по всей видимости, исполнялись такие песни в старину:

The dark came into the room from the little window that opened in the side of The Hill; the firelight flickered—it was April—and still they played on, while the shadow of Gandalf’s beard wagged against the wall. The dark filled all the room, and the fire died down, and the shadows were lost, and still they played on. And suddenly first one and then another began to sing as they played, deep-throated singing of the dwarves in the deep places of their ancient homes²³.

(Через окошечко в склоне Холма в комнату проникла темнота, огонь в камине (стоял еще апрель) начал гаснуть, а они все играли и играли, и тень от бороды Гэндальфа качалась на стене. Тьма заполнила комнату, камин потух, и тени пропали, а гномы продолжали играть. И вдруг, сперва один, потом другой, глухо запели таинственную песню гномов, что пелась в таинственной глуши их древних жилищ.)

Бильбо же, как стороннего слушателя, воспринимающего песню не исторически, а скорее литературно, такая обстановка погружает в таинственную атмосферу древних преданий.

Песню гномов можно назвать походной или, скорее, «предпоходной»: в ней обозначается главная цель путешествия отряда Торина (Одинокая Гора), рассказывается о прошлом подгорного королевства гномов Эребор и разорении его драконом. Несмотря на всю значимость этого повествовательного элемента в поэтике песни, для гномов как исполнителей (и, по всей вероятности, внутри-текстовых авторов), прекрасно знакомых с постигшим Эребор бедствием, важнее ее побудительная сила. Так, на протяжении десяти куплетов песни трижды звучит призыв “We must away, ere break of day” — именно его Мерри и Пиппин в несколько измененном виде заимствуют для своего произведения. На Бильбо в «Хоббите» песня производит глубочайшее впечатление — она пробуждает в нем унаследованную от предков по материнской линии жажду странствий, «нечто туковское» (“something Tookish”)²⁴. Хотя потом Торину специально для

²² Tolkien J. R. R. The Lord... Vol. 1. P. 139. «Сочинена она была по образцу песни гномов, с которой когда-то давным-давно началось путешествие Бильбо, и ложилась на тот же мотив».

²³ Tolkien J. R. R. The Hobbit, or There and Back Again. L., 1997. P. 13–14. Здесь и далее перевод прозаических цитат из «Хоббита» цитируется по следующему изданию: Толкин Дж. Р. Р. Хоббит, или Туда и обратно / пер. Н. Рахмановой. М., 2022.

²⁴ Ibid. P. 14. Среди родственников Бильбо Бэггинса по материнской линии были Туки — хоббиты, славившиеся всякого рода чудачествами (в глазах других хоббитов), и в особенности упомянутой жадной странствий.

Бильбо приходится довольно пространно описывать события, о которых кратко говорится в песне, а жажда странствий хоббита несколько утихает при более предметном разговоре о драконе, именно песня задает первоначальный импульс к путешествию Бильбо «туда и обратно».

О реакции Фродо на сочиненную его друзьями песню судить затруднительно: единственное его высказывание о песне сводится к лаконичному “Very good” («Очень хорошо»), а последующая фраза является прямым ответом на последние строки песни (“We ride before the break of day” — «Мы выезжаем до утра») — Фродо озабочен тем, что предстоят долгие сборы, если они и правда хотят выступать до утра. Пиппин тут же отмечает, что это было просто поэтическое преувеличение (“Oh! That was poetry! Do you really mean to start before the break of day?”²⁵), но Фродо и правда решает отправляться в путь чуть свет. Что интересно, для гномов в «Хоббите» эти слова являются скорее фигурой речи — хотя отряд Торина и встает раньше Бильбо, выступает он только в 11 утра, дождавшись проспавшего хоббита и без особой спешки совершив все необходимые приготовления. Собственно, поход гномов к Одинокой Горе не является столь срочным и неотложным делом, от которого зависела бы судьба Средиземья (в дальнейшем, впрочем, побуждающим к спешке обстоятельством становится День Дурина, к приходу которого нужно добраться до тайной двери в Горе). Фродо же, преследуемый Черными Всадниками и подгоняемый срочностью поручения, вынужден буквально выступить до утра. Сам он несколько ранее, в разговоре со своими друзьями обозначает эту принципиальную разницу между своей миссией и путешествием Бильбо: “This is no treasure hunt, no there-and-back journey. I am flying from deadly peril into deadly peril”²⁶. Таким образом, близкий контекст песни хоббитов заранее сообщает будущему пути Фродо бóльшую серьезность и мрачность. При этом преемственность Фродо по отношению к Бильбо — как внешне, в качестве связующего элемента двух разных произведений, так и внутри объединяющего их художественного мира, в рамках отношений двух этих персонажей, — играет не меньшую роль²⁷ и, как будет показано далее, позволяет рассматривать песню хоббитов как своеобразное продолжение песни гномов, вступающее с ним в диалог, становящийся в том числе и диалогом культур.

Основные сходства и различия двух песен заметны уже при сопоставлении первых четверостиший²⁸:

²⁵ Tolkien J. R. R. The Lord... Vol. 1. P. 140. «О, да это же просто стихи! Неужели ты и правда хочешь выступать до утра?»

²⁶ Ibid. Vol. 1. P. 137. «Это не охота за сокровищами, не путешествие туда-и-обратно. Я бегу от одной смертельной опасности навстречу другой».

²⁷ Такая преемственность через поэзию воплощается также в песне про Дорогу (“The Road goes ever on and on...”), сочинителем которой выступает Бильбо. Во «Властелине Колец» он впервые поет эту песню, уходя из Шира (Tolkien J. R. R. The Lord... Vol. 1. P. 47). Слова этой песни произносит Фродо (разве что заменяя “eager feet” на “weary feet” — «нетерпеливые стопы» на «уставшие») на пути в Крикхоллоу, причем сам он не уверен, что всего лишь воспроизводит сочиненное Бильбо: слова словно бы сами приходят к нему (“It came to me then, as if I was making it up; but I may have heard it long ago”; «Она сама собой пришла мне на ум, словно я ее и сочинил; но, возможно, я и слышал ее когда-то давно» — Ibid. Vol. 1. P. 98).

²⁸ Полные оригиналы и наши переводы этих двух песен приведены в конце статьи.

Песня гномов из «Хоббита» (первое четверостишие)	Песня хоббитов из «Властелина Колец» (первое четверостишие)
Far over the misty mountains cold To dungeons deep and caverns old We must away ere break of day To seek the pale enchanted gold ²⁹ .	Farewell we call to hearth and hall! Though wind may blow and rain may fall, We must away ere break of day Far over wood and mountain tall ³⁰ .
Подстрочный перевод	Подстрочный перевод
Далеко через мглистые горы холодные К подземельям глубоким и пещерам древним Мы должны отправиться до рассвета, Дабы искать это светлое зачарованное золото.	Говорим мы «прощай» очагу и чертогу! Пусть ветер дует и дождь идет, Мы должны отправиться до рассвета Далеко через лес и гору высокую.

Песня гномов сразу начинается с обозначения преграды, лежащей на пути к конечной точке путешествия (“the misty mountains cold”), самой конечной точке (“dungeons deep and caverns old”) и цели путешествия (“To seek the pale enchanted gold”), все более конкретизирующейся в последующих куплетах: “To claim our long-forgotten gold” и “To win our harps and gold from him!” в пятой и десятой строфе соответственно. Отправная точка при этом совершенно не важна.

Песня хоббитов, начинающаяся созвучно (“Far over” — “Farewell”), предлагает совсем иную перспективу и начинается с обращения к месту, которое хоббиты покидают — к дому. В культуре хоббитов, какой ее изобразил Толкин, образ дома играет ключевую роль, как и неразрывно связанное с ним представление о комфорте и безопасности. В песне Мерри и Пиппина концепт дома выражен несколько неожиданным сочетанием “hearth and hall”³¹, подходящим скорее к пиршественному залу королей — например, к Золотому Чертогу короля Теодена в Эдорасе, — нежели к хоббитской норе или небольшому домику (жилище в Крикхоллоу, в которое «переезжает» Фродо — это не нора, а именно наземный дом). Такое обозначение может быть расценено как литературная формула из более древней по сравнению с хоббитской поэтической традиции, что дополнительно подкрепляется аллитерацией (ср. вышеприведенный пример с Длинным списком энтов). Примечательно также, что хоббиты полностью сохраняют

²⁹ Tolkien J. R. R. *The Hobbit*... P. 13.

³⁰ *Idem*. *The Lord*... Vol. 1. P. 140.

Хей-хей-хей! Из фляги пей!
Излечишь сердце от скорбей!
Пусть дождь суров и ветер зол,
Пускай я мало миль прошел,
Под деревом найду приют —
А тучки пусть себе бегут.

³¹ Эти слова, вместе с начальным “Farewell”, могут вызывать в памяти у англоязычного читателя знаменитое прощание Чайльд-Гарольда из поэмы Дж. Байрона «Паломничество Чайльд-Гарольда». Впрочем, объяснить эту напрашивающуюся параллель прямой связью затруднительно: для Толкина творчество Байрона, как и большинства других романтиков, не представляло заметного интереса (см. подробнее: Алексеев С. В. Дж. Р. Р. Толкин. М., 2013. С. 248).

размер и схему рифмовки песни гномов, но вводят дополнительную внутреннюю рифму в первой строке каждого куплета: такое усложнение формы может также свидетельствовать об установке на определенную литературность.

Об обусловленности второй строки хоббитской песни (“Though wind may blow and rain may fall”) традицией можно говорить с еще большей определенностью. Она в готовом виде взята из предположительно народной песни хоббитов, часть³² которой исполняют Сэм и Пиппин в четвертой главе³³:

Но! Но! Но! to the bottle I go
To heal my heart and drown my woe.
Rain may fall and wind may blow,
And many miles be still to go,
But under a tall tree I will lie,
And let the clouds go sailing by³⁴.

Подстрочный перевод:

Хо! Хо! Хо! к бутылке я прибегну,
Дабы исцелить мое сердце и утопить мое горе,
Пусть дождь идет и ветер дует,
И много миль еще предстоит пройти,
Но под высоким деревом я лягу,
А облака пускай плывут мимо.

Интересно, что эта незамысловатая по содержанию песня, живописующая привал под деревом в компании с бутылкой, является все же походной, и указание на многомильный путь (“And many miles be still to go”), пожалуй, не совсем в духе хоббитских обывателей-домоседов. Можно предположить, что воз-

³² «Полной» версии песни в черновиках Толкина, насколько известно, не сохранилось. По всей видимости, эти строки изначально задумывались как фрагмент. В одной из черновых версий романа эти строки почти идентичны, а после них идут следующие слова, от которых Толкин в дальнейшем отказался: «Никто никогда не узнает, был ли следующий куплет лучше предыдущего или нет, поскольку в это самое мгновение поблизости раздался какой-то звук, то ли чих, то ли сопение» (Tolkien J. R. R. *The Return of the Shadow* / Ed. C. Tolkien. L., 1988. P. 245). (В одной из черновых версий романа вместо Пиппина было два Тука, Одо и Фродо, которые затем слились в одного персонажа. Фродо в этой версии носил имя Бинго.)

³³ В итоговой версии романа исполнение также оказывается прерванным, только уже из-за раздавшегося вдалеке крика назгула. Любопытно, что такое прерывание песни вмещательством враждебной силы во «Властелине Колец» повторяется неоднократно. К примеру, позже, держа путь через Древний Лес, Фродо пытается начать воодушевляющую песню (“O! Wanderers in the shadowed land...” — Tolkien J. R. R. *The Lord... Vol. 1*. P. 148), в которой говорится, что лес рано или поздно должен закончиться или даже сгинуть (“all wood must fail”), что вызывает ошутимое недовольство деревьев и заставляет Фродо прекратить песню.

³⁴ Ibid. Vol. 1. P. 119.

Хей-хей-хей! Из фляги пей!
Излечишь сердце от скорбей!
Пусть дождь суров и ветер зол,
Пускай я мало миль прошел,
Под деревом найду приют —
А тучки пусть себе бегут.

никновение этой песни связано с более древними временами, когда хоббитам приходилось гораздо больше путешествовать, и хоббитская «ойкумена» была не настолько замкнутой и куда менее безопасной³⁵. Впрочем, третья строка, в которой дождь и ветер предстают как единственные серьезные преграды на пути, не вполне вписывается в предполагаемое представление об опасном мире, разумеется, если не расценивать дождь и ветер как метафоры невзгод, но поводов к такой интерпретации мало: традиционная поэзия хоббитов тяготеет как раз к конкретности образов. Впрочем, для нас важнее факт заимствования: Мерри и Пиппин заимствуют эту строку для своей песни напрямую из хоббитской поэтической традиции еще до третьей строки, которая взята уже из песни гномов.

Такое вполне естественное для диалога культур превалирование «своего» над «чужим», сочетающееся, однако, с уважением и интересом к чужим традициям, можно усмотреть и в последней строке, отдаленно напоминающей первый стих песни гномов. Упоминание гор является, насколько можно судить, каноническим для поэтической традиции гномов (ср. также начальную строку в другом тексте из этой традиции — песне о Дурине из «Властелина Колец»: “The world was young, the mountains green”³⁶ («Был зелен мир, гора — юна»). Хоббиты сохраняют это упоминание, пусть и не в первой строке; правда, в их песне «высокая гора» (“mountain tall”) предстает, скорее, поэтической условностью, особенно учитывая эпитет, лишенный какой-либо конкретики, тогда как в песне гномов “the misty mountains” — вполне определенный апеллятивизированный топоним, Мглистые (Туманные) горы. Дальнейший путь Фродо, конечно, не раз будет пролегать через «высокие горы» (неудачный переход через те же Туманные горы, путешествие через Эмюн Муил, перевал Кириг-Унгол), но на время исполнения песни ни Фродо, ни его друзьям об этом неизвестно, поскольку ближайшая их цель — это убежище эльфов Ривенделл, лежащий по эту (западную) сторону Туманных гор. Таким образом, формульное упоминание гор, служащее скорее данью другой культуре (можно сказать, культуре-донору), в широком контексте выполняет пророческую функцию, предвосхищая некоторые этапы пути Фродо.

Цель путешествия, Ривенделл, обозначается уже во второй строфе:

To Rivendell, where Elves yet dwell
In glades beneath the misty fell,
Through moor and waste we ride in haste,
And whither then we cannot tell.

Подстрочный перевод:

В Ривенделл, где эльфы всё еще живут
На полянах у туманной горы,
Через болото и пустошь мы едем в спешке,
И куда дальше, мы не можем сказать.

³⁵ Можно высказать и другое предположение: эта песня — одно из очередных сочинений Бильбо, который является внутритекстовым автором большинства образцов хоббитской поэзии в романе. Многие из написанного Бильбо по хоббитским меркам значительно выходит за рамки обыденного и вдохновлено его личным «приключенческим» опытом.

³⁶ Tolkien J. R. R. The Lord... Vol. 2. P. 133.

Особое внимание здесь стоит обратить на наречие “yet” («пока что», «всё еще»), предполагающее конечность связанного с ним состояния, т. е. пребывания эльфов в Ривенделле — рано или поздно всем им суждено отплыть на Запад, покинув Средиземье. Мотив постепенного «угасания» мира, ухода из него изначальной красоты — один из важнейших мотивов в произведениях Легендариума и, пожалуй, во всем творчестве Толкина. Зачастую он связывается именно с эльфами³⁷, вокруг которых строится значительная часть истории толкиновского мира. В самой культуре эльфов осознание старения мира нередко сопровождается желанием удержать и сохранить его исчезающую красоту, как это, например, пытается сделать Галадриэль в Лориэне, используя силу хранимого ею эльфийского Кольца. Однако в итоге осуществление этого желания оказывается невозможным в оскверненном Врагом Средиземье — в конце романа с уничтожением Единого Кольца сила остальных Колец уходит, и эльфы навсегда покидают Средиземье. Предчувствие этого заметно в следующих словах Галадриэли: “Yet if you succeed, then our power is diminished, and Lothlórien will fade, and the tides of Time will sweep it away. We must depart into the West, or dwindle to a rustic folk of dell and cave, slowly to forget and to be forgotten”³⁸. Может показаться, что усматривание столь важного мотива в одном-единственном наречии из песни хоббитов — избыточное вчитывание, однако еще Т. Шиппи замечал, что за стихами хоббитов во «Властелине Колец» стоит больше, чем ведомо их сочинителям³⁹. Здесь, вероятно, сказывается также и знакомство Мерри и Пиппина с Бильбо⁴⁰ — знатоком эльфийских традиций и языков, — благодаря которому они знают о Ривенделле и эльфах⁴¹ и способны (вероятно, даже не вполне осознанно) выразить культурные установки «прекрасного народа» и в особенности «древнюю печаль» (“ancient grief”⁴²) по невозвратимому прошлому.

Не менее важна в этой строфе и четвертая строка (“And whither then we cannot tell” — *букв.* «И куда дальше, мы не можем сказать»), сильно напоминающая строку из песни Бильбо и Фродо о Дороге (“And wither then? I cannot say” — *букв.* «И куда дальше? Я не могу сказать»⁴³), что снова связывает путь Фродо с приключением Бильбо. Однако в песне Мерри и Пиппина интонация уже иная:

³⁷ Ср., впрочем, начало последней строфы гномьей песни о Дурине, изображающей угасший мир, лишенный красоты и былого величия (“The world is grey, the mountains old...” — «Стал серым мир, гора — бела»).

³⁸ Tolkien J. R. R. The Lord... Vol. 2. P. 197. «Но если ты преуспеешь, тогда наша сила все равно истает, и Лотлориэн угаснет, смытый волнами Времени. Нам суждено отплыть на Запад или же уменьшиться до грубого племени пещер и долин, что будет со временем забыто и забудет само».

³⁹ См.: Shippey T. A. The Road... P. 169.

⁴⁰ При этом на Сэма, напрямую не участвовавшего в сочинении песни, Бильбо повлиял еще больше. Восторженное и по-детски наивное отношение Сэма ко всему эльфийскому отчасти обусловлено тем, что именно Бильбо учил его грамоте (Tolkien J. R. R. The Lord... Vol. 1. P. 31).

⁴¹ Фродо, Пиппин и Сэм, правда, встречают эльфов еще по пути в Крикхоллоу, но Мерри в то время не с ними. Стоит предположить, что песня сочинялась (или, во всяком случае, задумывалась) Мерри и Пиппином задолго до отъезда Фродо.

⁴² Shippey T. A. The Road... P. 170.

⁴³ Tolkien J. R. R. The Lord... Vol. 1. P. 47, 97.

вопросно-ответная форма отсутствует, и пугающая неизвестность дальнейшего пути предстает как данность, не зависящая от одного только произвольного решения путника, как в песне о Дороге. Здесь заметно еще одно важное отличие от песни гномов, в которой, как уже отмечалось, цель похода конкретизирована локально и интенционально (добраться до Одинокой горы и завладеть сокровищами, избавившись от дракона), тогда как в песне хоббитов Ривенделл воспринимается лишь как промежуточный этап, а главная миссия Фродо — добраться до Роковой горы и уничтожить Кольцо — еще не известна. Эта неуверенность лишь увеличивается в следующей строфе:

With foes ahead, behind us dread,
 Beneath the sky shall be our bed,
 Until at last our toil be passed,
 Our journey done, our errand sped.

Подстрочный перевод:

Враги впереди, позади нас ужас,
 Под небом должны мы ночевать,
 Покуда, наконец, наш труд не окончится,
 Наше путешествие не завершится,
 наше поручение не будет исполнено.

Нанизывание альтернативных определений для будущего похода (“toil”, “journey”, “errand” — «труд», «путешествие», «поручение») вкупе с маркирующей повсеместную опасность первой строкой создает картину мрачной неопределенности, внешне противоположную приподнятому тону песни гномов в «Хоббите» и уже напрямую сообщающую пути Фродо куда большую серьезность и спешность. Довольно неоднозначны при этом слова “behind us dread”. Дело в том, что со вселяющими ужас назгулами хоббиты встретились только на пути в Крикхоллоу, причем Мерри с ними не было. Свою же песню Мерри и Пиппин сочиняли предположительно заранее, возможно, еще до переезда Фродо из Шира. Не исключено, конечно, что соответствующую строку или всю строфу хоббиты могли переделать непосредственно перед исполнением песни — контекст дает простор для такого допущения⁴⁴. В противном случае можно снова говорить о пророческой функции, которую песня выполняет по отношению к последующему повествованию: весь оставшийся путь до Ривенделла назгулы (конкретное воплощение абстрактного «страха» — “dread”) продолжают преследовать хоббитов, не говоря уже о многих других врагах, поджидающих их впереди (“with foes ahead”).

Вторая строка (“Beneath the sky shall be our bed”) тематически продолжает первую и тоже связана с превратностями грядущего пути. Учитывая привычку хоббитов к комфорту и уже отмеченную роль дома среди их ценностей, этот стих стоит расценивать без излишней романтизации, а скорее, с более прагматичной

⁴⁴ Тем более что четвертая строка второй строфы, как уже отмечалось, напоминает заключительную строку из песни о Дороге, а значит могла быть подсказана Мерри и Пиппину именно этой песней, которую один из них (Пиппин) впервые мог услышать от Фродо только на пути в Крикхоллоу.

стороны — как выражение серьезного затруднения (*shall* — глагол, выражающий долженствование или даже обреченность на определенное действие или состояние), с которым хоббиты сталкиваются в пути и которое вполне сопоставимо с подгоняющим их ужасом и ждущими впереди врагами, и даже более ощутимо из-за своей материальности и неизбежности⁴⁵. Впрочем, введение (пусть даже и метафорическое) в довольно мрачный контекст этой строфы знакомого и любимого хоббитами предмета быта — кровати⁴⁶ — может служить также своеобразным средством преодоления страха и напоминанием о доме, с которым хоббиты прощаются в первой строфе. Таким образом, использование обусловленных собственной традицией и мировоззрением образов идет не только по линии диалога с иной культурой, но и выполняет, если можно так выразиться, терапевтическую функцию.

Завершается песня кратким припевом, амплификацией заимствованного из гномьей песни рефрена: “We must away! We must away! // We ride before the break of day!” От Крикхоллоу хоббиты действительно едут на пони, что не привычно для них и потому определенно заслуживает внимания. В этом смысле использование глагола “ride” можно расценивать не только как простую конкретизацию способа передвижения, но и как элемент исключительности, который в глазах хоббитов добавляет путешествию особенную важность. В целом же тон песни, несмотря на отмеченную неопределенность цели и непростые обстоятельства пути, все равно оказывается решительным и позитивным, предполагая успешное завершение миссии, или, во всяком случае, ее этапа. В этом есть доля мужества (возможно, даже «северного», столь важного в представлении Толкина⁴⁷) — признавая всю предстоящую опасность, тем не менее неуклонно идти навстречу ей. Такое мужество парадоксальным образом более чем свойственно хоббитам, которые в критических обстоятельствах проявляют чудеса храбрости (как, например, Фродо в Кургане⁴⁸).

Итак, песня хоббитов предстает сплавом сразу нескольких текстов-предшественников⁴⁹: песни гномов, хоббитской «народной» песни и стихотворения Бильбо о Дороге. Она оказывается на пересечении как минимум двух культур Средиземья — собственно хоббитской и гномьей, хотя можно говорить и об опосредованно внесенных элементах эльфийской традиции. Вступая в творческий диалог с сочинением гномов, хоббиты Мерри и Пиппин перерабатывают его,

⁴⁵ Говоря более абстрактно, можно, вслед за Ю. М. Лотманом, назвать это «сложным смысловым конфликтом между текстом и инородным для него контекстом», обладающим, однако, особыми «смыслорождающими потенциями» (Лотман Ю. М. Текст в тексте // Образовательные технологии. 2014. № 1. С. 38).

⁴⁶ Так, в другой хоббитской песне, тоже сочиненной Бильбо и посвященной радостям путешествия, немалое значение придается возвращению домой с последующим наслаждением простыми радостями: уютом, пищей и сном в кровати (Tolkien J. R. R. The Lord... Vol. 1. P. 103).

⁴⁷ О «теории северного мужества» (the theory of the Northern courage) Толкин отзывался как о «великом наследии древней литературы Севера» (“the great contribution of early Northern literature”). См.: Tolkien J. R. R. Beowulf: The Monsters and The Critics // The Monsters and The Critics and Other Essays / Ed. C. Tolkien. L., 1997. P. 20.

⁴⁸ См.: Tolkien J. R. R. The Lord... Vol. 1. P. 186–187.

⁴⁹ См.: Kullman T. Op. cit. P. 296.

сохраняя жанр, стихотворную форму и ряд образов, но наполняя свою версию собственным контекстом, обусловленным как культурными чертами хоббитов, так и характером путешествия Фродо, которое в значительной мере отличается от похода Бильбо и гномов к Одинокой Горе. При этом, как и песня гномов, произведение хоббитов выполняет сюжетомоделирующую (пророческую) функцию, предвосхищая дальнейший путь Фродо и давая надежду на успешное его завершение, хотя главная цель пути здесь еще не известна.

Стоит отметить, что у песни гномов в «Хоббите» есть два сюжетно-тематических продолжения (“The wind was on the weathered heath...”⁵⁰ и “Under the Mountain dark and tall...”⁵¹), а сама песня, несмотря на ее внешнюю завершенность, представлена внутри текста как фрагмент (“and this is like a fragment of their song, if it can be like their song without their music”⁵²). Сочиненная Мерри и Пиппином песня, при всех рассмотренных отличиях, становится полноправным элементом этого интертекста — еще одним продолжением, созданным в рамках иной культурной традиции (и внешне — иного художественного произведения) и описывающим иную Дорогу, одновременно похожую и не похожую на путь «туда и обратно», пройденный Бильбо.

Приложение

Песня гномов из «Хоббита» — оригинал	Песня гномов из «Хоббита» — перевод
Far over the misty mountains cold To dungeons deep and caverns old We must away ere break of day To seek the pale enchanted gold.	Туманных гор мы стерпим хлад, К пещерам древним, в глубь палат, Нам до утра в поход пора — Искать вдали волшебный клад.
The dwarves of yore made mighty spells, While hammers fell like ringing bells In places deep, where dark things sleep, In hollow halls beneath the fells.	Наш предок чарами владел, И молот колоколом пел Там, в глубине, где в тайном сне Созданий тьмы лежит предел.
For ancient king and elvish lord There many a gleaming golden hoard They shaped and wrought, and light they caught To hide in gems on hilt of sword.	Людей и эльфов короли Ценили золото, дар земли, Что гном ковал, — топаз, опал В навершии меча цвели.
On silver necklaces they strung The flowering stars, on crowns they hung The dragon-fire, in twisted wire They meshed the light of moon and sun.	На нити серебра надет Был звездный луч, огнем комет Пылал венец, а для колец Луны и солнца брали свет.

⁵⁰ Tolkien J. R. R. *The Hobbit*... P. 119–120.

⁵¹ *Ibid.* P. 248–249.

⁵² *Ibid.* P. 13.

Песня гномов из «Хоббита» — оригинал	Песня гномов из «Хоббита» — перевод
<p>Far over the misty mountains cold To dungeons deep and caverns old We must away, ere break of day, To claim our long-forgotten gold.</p> <p>Goblets they carved there for themselves And harps of gold; where no man delves There lay they long, and many a song Was sung unheard by men or elves.</p> <p>The pines were roaring on the height, The winds were moaning in the night. The fire was red, it flaming spread; The trees like torches blazed with light.</p> <p>The bells were ringing in the dale And men looked up with faces pale; Then dragon's ire more fierce than fire Laid low their towers and houses frail.</p> <p>The mountain smoked beneath the moon; The dwarves, they heard the tramp of doom. They fled their hall, to dying fall Beneath his feet, beneath the moon.</p> <p>Far over the misty mountains grim To dungeons deep and caverns dim We must away, ere break of day, To win our harps and gold from him!</p>	<p>Туманных гор мы стерпим хлад, К пещерам древним, в глубь палат Нам до утра в поход пора — Вернуть наш позабытый клад.</p> <p>Тогда сработали они Златые арфы — искони Там, в глубине, от всех втайне При звуках песен длились дни.</p> <p>На склонах ветер завывал, Шумели кроны, крепнул шквал. Огонь был яр, ночной пожар В лучины сосны обращал.</p> <p>Набат звучит в колоколах, Застыл на бледных лицах страх. Ужасен был драконий пыл, Дома людей повергший в прах.</p> <p>Гора дымилась под луной, Заслышав топот роковой, Народ бежал, чертог пылал, И гибли гномы под луной.</p> <p>Туманных гор мы стерпим тьму, К палатам в пепле и дыму Нам до утра в поход пора — Отнять наш клад, отмстить ему!</p>

Песня хоббитов из «Властелина Колец» — оригинал	Песня хоббитов из «Властелина Колец» — перевод
<p>Farewell we call to hearth and hall! Though wind may blow and rain may fall, We must away ere break of day Far over wood and mountain tall.</p> <p>To Rivendell, where Elves yet dwell In glades beneath the misty fell, Through moor and waste we ride in haste, And whither then we cannot tell.</p> <p>With foes ahead, behind us dread, Beneath the sky shall be our bed, Until at last our toil be passed, Our journey done, our errand sped.</p> <p>We must away! We must away! We ride before the break of day!</p>	<p>Прощай, отцов очаг и кров! Пусть ветер зол и дождь суров, Нам до утра в поход пора За горы, за туман холмов.</p> <p>Нельзя свернуть! Забрезжит чуть — В Имладрис, к эльфам ляжет путь. Тропа и брод зовут в поход, А дальше нам не заглянуть.</p> <p>Не дремлет враг, по следу мрак, Нам небо кров, костер — очаг, Покуда ждут дела и труд, Дорога, тракт, стезя, большак.</p> <p>В поход пора! В поход пора! Мы выступаем до утра!</p>

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Tolkien J. R. R. *The Return of the Shadow* / Ed. by C. Tolkien. L., 1988.
Tolkien J. R. R. *The Letters* / Ed. by H. Carpenter. L.: HarperCollins, 1995.
Tolkien J. R. R. *Beowulf: The Monsters and The Critics* // *The Monsters and The Critics and Other Essays* / Ed. by C. Tolkien. L.: HarperCollins, 1997.
Tolkien J. R. R. *The Hobbit, or There and Back Again*. London: HarperCollins, 1997.
Tolkien J. R. R. *The Lord of The Rings*. In 7 volumes. L.: HarperCollins, 2012.

Список литературы

- Алексеев С. В. Дж. Р. Р. Толкин. М.: Вече, 2013.
Афанасьев В. А. «Песнь об Эарендиле» в романе Дж. Р. Р. Толкина «Властелин Колец» в аспекте переводческой проблематики // *Вестник Новосибирского государственного университета*. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. Т. 21. № 3. С. 132–146.
Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / сост. С. Г. Бочаров. М.: Искусство, 1986.
Лотман Ю. М. Текст в тексте // *Образовательные технологии*. 2014. № 1. С. 30–42.
Bartoňková D. *Prosimetrum, The Mixed Style*, in *Tolkien's Work The Lord of the Rings* // *Sborník prací Filozofické fakulty brněnské university*. 2008. Vol. 57 (13). P. 5–21.
Kullman T. *Poetic Insertions in Tolkien's The Lord of the Rings* // *Connotations*. 2013/2014. Vol. 23. № 2. P. 283–309.
Russom G. *Tolkien's Versecraft in The Hobbit and The Lord of the Rings* // *J. R. R. Tolkien and His Literary Resonances: Views of Middle-earth* / Ed. by G. Clark, D. Timmons. Westport, CT: Greenwood Press, 2000. P. 53–69.
Shippey T. A. *The Road to Middle-earth*. L.: HarperCollins, 1992.
Shippey T. A. *J. R. R. Tolkien: Author of the Century*. L.: HarperCollins, 2001.
Turner A. *Translating Tolkien. Philological Elements in The Lord of the Rings*. Frankfurt am Main: Europäischer Verlag der Wissenschaften, 2005.

Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo
gumanitarnogo universiteta.
Serii III: Filologiya.
2025. Vol. 83. P. 9–25
DOI: 10.15382/sturIII202583.9-25

Vladimir Afanasyev,
National Research University
Higher School of Economics
Nizhny Novgorod, Russia
svintrups@gmail.com
<https://orcid.org/>

HOBBIT'S SONG FROM "THE LORD OF THE RINGS"
BY J. R. R. TOLKIEN
("FAREWELL WE CALL TO HEARTH AND HOME"):
BETWEEN CULTURES AND TRADITIONS

V. AFANASYEV

Abstract: Tolkien's poems, particularly those which are included in his prose, are not often studied in a way that would take into account not only individual poetic features of a certain text, but also its link with other poems and with the literary world of the

prosaic text. Meanwhile, it is in such texts as the novel “The Lord of the Rings” the poetry (usually in the form of songs) plays a specific role and has a number of important context-related functions being a good illustration of intertwining cultures and poetic traditions of fictitious peoples. One of the prominent texts of this kind is the song “Farewell We Call to Hearth and Home”, the internal authors of which are hobbits Merry and Pippin. This song is in many respects based on the song of the dwarfs from “The Hobbit” (“Far over the Misty Mountains Cold”). It derives from its “primary source” the poetic form (in a somewhat more elaborate shape), genre (war song), elevated mood, as well as a number of other images and motifs. Besides, the authors use their own poetic tradition and employ images which are significant in the hobbits’ culture (‘home’, ‘hearth’, ‘bed’); they even directly cite hobbits’ folk songs and Bilbo’s poetry, also occurring in the novel. This combination of “the own” and “the foreign” is instructive in terms of the dialogue of cultures that has been artfully imitated by Tolkien; it is also clearly significant in the context of the novel. The song is designed to encourage Frodo before his journey to Rivendell and to make a connection between his mission and Bilbo’s adventure from “The Hobbit”. Besides, the text of the poem reveals a remarkable dissimilitude between these two journeys, foreshadowing further events and even becoming prophetic.

Keywords: literary world, poetics, dialogue of cultures, tradition, verse and prose, J. R. R. Tolkien, “The Lord of the Rings”.

References

- Afanas’ev V. (2023) “«Pesn’ ob Earendile» v romane J. R. R. Tolkina «Vlastelin Kolets» v aspekte perevodcheskoi problematiki”. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul’turnaia kommunikatsiia*, 2023, vol. 21, no. 3, pp. 132–146 (in Russian).
- Alekseev S. (2013) *J. R. R. Tolkien*. Moscow (in Russian).
- Bakhtin M. (1986) *Eстетика словесного творчества*. Moscow (in Russian).
- Bartoňková D. (2008) “Prosimetrum, the Mixed Style, in Tolkien’s Work ‘The Lord of the Rings’”. *Sborník prací Filozofické fakulty brněnské university. Řada klasická*, 2008, vol. 57, no. 13, pp. 5–21.
- Kullman T. (2013/2014) “Poetic Insertions in Tolkien’s ‘The Lord of the Rings’”. *Connotations*, 2013/2014, vol. 23, no. 2, pp. 283–309.
- Lotman Iu. (2014) “Tekst v tekste”. *Obrazovatel’nye tekhnologii*, 2014, no. 1, pp. 30–42.
- Russom G. (2000) “Tolkien’s Versecraft in ‘The Hobbit’ and ‘The Lord of the Rings’”, in G. Clark, D. Timmons (eds) *J. R. R. Tolkien and His Literary Resonances: Views of Middle-earth*, Westport, Connecticut, pp. 53–69.
- Shippey T. A. (1992) *The Road to Middle-earth*. London.
- Shippey T. A. (2001) *J. R. R. Tolkien: Author of the Century*. London.
- Turner A. (2005) *Translating Tolkien: Philological Elements in “The Lord of the Rings”*. Frankfurt am Main.

Статья поступила в редакцию 10.01.2025

The article was submitted 10.01.2025